

Художественные особенности исторического рассказа Н.А.

Энгельгардта «Наполеонов плен»

Бутеев Дмитрий Валерьевич, кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»,
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»,
г. Смоленск.

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения Н.А. Энгельгардта, поэта, писателя, драматурга, журналиста, общественного деятеля, учёного. Этот яркий представитель Серебряного века родился и большую часть жизни прожил в С.-Петербурге-Ленинграде, но несмотря на это считал себя смолянином и в этом же статусе его воспринимали и многие современники.

Историческая беллетристика – это одна из наиболее весомых (и качественно и количественно) составляющих разностороннего творческого наследия Н.А. Энгельгардта. Некоторые из его исторических романов печатаются и переиздаются в наши дни: «Окровавленный трон» – о последних месяцах правления и убийстве Павла Первого; «Граф Феникс» – о пребывании в России Калиостро; «Екатерининский колосс» – о закате карьеры и смерти нашего земляка Григория Потёмкина. Много было напечатано в газетах и журналах в дореволюционное время (после революции оставшемуся в стране монархисту был закрыт доступ к читателю). Это роман о петровской эпохе «Московское рушение», опубликованный в «Голосе Москвы»; увидевшие свет в «Историческом вестнике» повесть «Шкловские ассигнации» и уже упомянутые романы «Окровавленный трон», «Екатерининский колосс» и «Граф Феникс». «Россия» опубликовала «Смоленское разорение» и «Огненную купель», посвящённые событиям 1812-го года, и роман «Русь и царь», повествующий о Смутном времени. В газете «Земля»

писатель поместил повесть «14 декабря». Но далеко не всё, относящееся к исторической беллетристике Энгельгардта, увидело свет. Что-то хранится и ждёт своего часа в Российском архиве литературы и искусства, а многое, скорее всего, утрачено. О том, сколь велик пласт оставшегося неизвестным для читателя, говорит составленный писателем план полного собрания его исторических произведений в двадцати четырёх томах. Опубликованное в журналах и газетах составляет лишь четвертую часть от вошедшего в этот список.

Рассказ «Наполеонов плен» был опубликован в газете «Россия» в четырёх выпусках в январе 1912 года (7, 15, 21, 22 января). Текст произведения разбит на 14 главок-эпизодов. Подобное построение присуще и многим другим повестям и романам Н.А. Энгельгардта. Действие разворачивается в ноябре 1812 года. Армия Наполеона отступает по территории Белоруссии. «Голпы французов, обмотанных лохмотьями, окруженных соломой, мешками, женскими одеждами, обмороженных, замученных, голодных, брели вперёд». Таят опасность леса, скрывая в себе мстителей за поруганное отечество. Дав общий план, Н.А. Энгельгардт «приближением камеры» добавляет напряжённости, показывая «безысходность», охватившую французов. «Вот издали зачернелось жильё, видны крыши, трубы... Усиливаются быстрее идти несчастные, одушевлённые мыслью обрести кров, тепло, кусок хлеба. Напрасная надежда! Подходят ближе – всё пусто и дико вокруг обгорелого, покинутого жилья. Чёрными дырами зияют выбитые окна, развёрстыя двери... Нет приюта! С смертным отчаянием в груди бредут они далее, погружаясь в серые, морозные сумерки...»

Тяжко было и русским. «Преследование врагов не было согласовано с доставкой фуража и провианта <...>. На две трети

армия, вышедшая из Тарутина с фельдмаршалом князем Михаилом Илларионовичем Кутузовым, убыла убитыми, ранеными, больными. Зато у оставшихся играл дух восторгом победы, несмотря на все тяжести».

Главный герой юный драгун Анатолий Эсмонд, представитель смоленской и дорогобужской шляхты, из разговора с товарищем узнаёт, что «сухопутный моряк и морской сухопроходец» Чичагов объявил в приказе приметы Наполеона. Ознакомившись с «сим забавным» с документом, товарищи рассмеялись, «кто же из низкорослых, черноволосых кавалеристов не подойдёт под эти “приметы”?» Но мысль пленить Наполеона запала в сознание Анатолия и постепенно овладела всеми его помыслами. Вспомнилось ему, что от самого Смоленска его денщик Фома не уставал повторять: «Живьём возьмём Наполеонтия».

Состоя под началом Милорадовича, Эсмонд уже принимал участие в предпринимаемых русскими попытках захватить французского императора, отступающего маршем на Ляды. Но старая гвардия, охранявшая карету Бонапарта, отбивала все атаки.

В Белоруссии к Анатолию пристал фактор-еврей Арон Каперцис-Коган – еврей, изображённый в рассказе в гоголевском духе, распределили между собой офицеров, взяв на себя решение их финансово-экономических проблем. Как-то утром он разбудил Эсмонда и потащил его на ярмарку-распродажу. На своеобразном торжке задёшево продавались разнообразные воинские трофеи от часов и книг до лошадей. Анатолий, купив ненужных ему вещей (например, ящик с хирургическими инструментами и скрипку, на которой не умел играть), был увлечён Ароном на противоположную сторону деревни, где располагались пленные, а среди них красавица-француженка. По пути перед Анатолием открывается нелицеприятная картина, он видит обмотанных лохмотьями неприятелей, поедающих

приправленную порохом (за неимением соли) конину, и не участвующего в ужасной трапезе умирающего от цинги офицера, сидящего на бревне среди снега, а еврей-опекун тащит его за рукав дальше.

Они входят в бывшую корчму, и Эсмонд застывает, увидев французскую красавицу Камиллу – молоденькую актрису временного театра, учреждённого Наполеоном для поднятия духа маршалов и генералов. Русские офицеры, тронутые её участью и пленённые её красотой, как могли, благоустроили её временное жилище и обеспечили пропитанием. Испугавшаяся было «человека севера» француженка в конце концов заметила его смущение и залилась искренним смехом. Вошедшие офицеры спешили поздравить Анатоля, сумевшего привнести «счастливую перемену в расположении духа пленницы. <...> Неожиданно для самого себя он попал в героя минуты и скоро, забыв глупейшее своё положение безгласно недвижимого столба пред глазами француженки, сам стал верить, что некоторым образом, явился победителем ея недоверия». Камилла поощряла взорами и улыбками влюблённого в неё застенчивого и нерешительного Эсмонда и на прощание сказала ему: «До вечера!»

С трудом дождавшись вечера, Анатолий поспешил в корчму, но там никого не было. Неотступно следующий за своим подопечным всё знающий Аарон сообщает ему, что девушка уехала с господами офицерами в усадьбу к самому Милорадовичу. Психологическое состояние героя Н.А. Энгельгардт передаёт с театральным преувеличением, что является отличительной чертой его творческого метода. «– Уехали к Милорадовичу! Изменница! – крикнуло в груди Анатоля. Но губы он крепко сжал и ни звуком не выдал адских терзаний, в нём кипевших». Эсмонд вернулся домой, где Фома сообщает ему, что «Наполеонтия голыми руками теперь взять

можно!». Знакомый казак рассказал денщику, что на Березине «в Зембинских дефилях, куда неприятеля гонят, – узкие проходы, гати и худые мосты», а вокруг незамерзающие болота. Казак знает особую тропку, по которой можно проскакать к Березине, зажечь мосты и запереть Бонапарта в ловушке. Размышления Анатоля о сказанном Фомой были прерваны приходом товарища, посланного Камиллой, желающей с ним танцевать. Эсмонд, движимый любовью и интересами дела (надо доложить о плане Милорадовичу), отправляется к француженке.

В следующих IX-XI главках Н.А. Энгельгардт, оставив на время героя, вводит «историческое» отступление, показывающее, что Фома был прав и французского императора и его штаб можно и должно было пленить. Толпа из шестидесяти тысяч скелетов в лохмотьях утратила человеческие представления, озверела и опустилась до людоедства. «Подходя к оставленным бивуакам и стоянкам, русские, среди мертвецов, на потухших углях находили котелки с остатками ужасающей пищи...». X-XI главки – это кульминация. Крупным планом перед читателем предстаёт французский император в окружении своих маршалов и телохранителей, идущий «как и все, пешком и с палкою» к Березине в уверенности, что переправа защищена польским полком. «В серо-пепельном сумраке раннего утра, среди снегов, неподвижно хмурых елей лесов, под низким, мёртвым небом это молчаливое шествие являло собою то высшее трагическое, что только может на земле являться в судьбах царей, полководцев и народов». На подходе к Борису на пути процессии появляется полковник, сообщая, что русская армия на Березине завладела всеми переправами. Наполеон в гневе грозит небу и направляется «вперёд к безнадёжной позиции на запертой врагами Березине».

В это время в усадьбе, где расположился Милорадович, царило веселье. Вошедший Анатолий увидел знаменитого генерала, танцующего с Камиллой, и взревновал. «Милорадович отбил у меня Камиллу, <...> а я сообщу ему план, который может его прославить! Конечно, он им воспользуется, поймает Наполеона и я останусь не при чём!» Мучимый противоречивыми честолюбивым и любовным порывами Эсмонд остался ожидать Камиллу в сенях у выхода, а затем под окнами. Утром, так и не дождавшись красавицы и не поскакав на Березину, Анатолий пошёл домой и встретил солдат, которые под предводительством капитана вели под ручки больного цингой француза, что дождался смерти, сидя на бревне. Они приняли его за Наполеона, и сходство действительно было. Вмешавшийся Эсмонд разъяснил ничего не понимающему пленному, в чём его вина, и тот, сняв руку-протез, доказал абсурдность обвинения.

В финале рассказа прискакавший офицер сообщает о том, что Наполеону удалось прорваться. Угроза титана небу утратила рок, и Бонапарту ложным манёвром удалось обмануть Чичагова, который к тому же не удосужился спалить мосты в лабиринте Зембинских дефилей. Огорчённому Анатолию его товарищ сообщает, что Камилла покинула Милорадовича через второй вход и никакой измены не было. И хотя рассказ завершает восклицание главного героя: «Не надо мне Камиллы, ни ея милостей! Знать ея не хочу! <...> Наполеона прозевали! Это непростительно!..», читатель понимает, что развитие любовной линии, скорее всего, только начинается. Такой открытый тип финала, завершающий «историческую» линию и «обрывающий» связанную с вымышленным персонажем повествовательную нить, используется Н.А. Энгельгардтом и в жанре исторического романа, например, в самом известном из написанных им – «Окровавленном троне».

Говоря о ещё не отмеченных особенностях повествовательной манеры Н.А. Энгельгардта, нашедших отражение в рассказе «Наполеонов плен», следует отметить присущее творческому методу писателя «вкрапление» в ткань произведения штрихов-фактов, придающих «полотну» дополнительный исторический колорит. Например, размечтавшийся Эдмонд представляет, что «Наполеона везут в большой железной клетке на высоких санях, – в той самой, в которой Емельку Пугачёва везли, и которую Анатолю видел в Москве, в одном казённом складе старых вещей...». Различными оттенками расцвечивает и оживляет повествование юмор, который встречается в диалогах (– Под такие «приметы» подойдёт и Денис Давыдов, наша честь и слава, наш поэт и рубака! Ведь он малого роста, и голова большая, и волосы чёрные.

– Только не бледен, а красен от водки и морозу!), проявляет себя на стилистическом уровне в авторской иронии над замечтавшимся героем («Далее шли картины одна другой обольстительнее. Император Александр целует Анатоля Эсмонда, который отказывается от всякой награды за свой подвиг, но сладчайшую награду получает от нежного сочувствия петербургских прелестных высшего общества...»).

Подводя итог, резюмируем: рассмотренный рассказ типичен для творческого метода Н.А. Энгельгардта, осуществляющего реконструкцию прошлого на основе пропущенного сквозь сито исторической науки материала, оживляя его соответствующим духу изображаемой эпохи художественным вымыслом.